

**COMMUNITIES IN REGIONAL POLITICAL PROCESS
(on the materials of the Chechen Republic)**

Saydarhanov Ayub M., post-graduate student

North Caucasus State Humanitarian-technology akademiya
36 Stavropolskaya st., Cherkessk, 369000, Russia
E-mail: brodya.ru @ mail.ru

The article defines the essence of the community, their socially important function differs from other forms of territorial self-government people. On the example of Chechnya, the Chechen-Ingush Autonomous Soviet Socialist Republic, the Chechen Republic shows the variety of forms of local communities and their relationship with the organs of state power and local self-government.

Keywords: local community, neighborhood community, local government, Taipei, Tuhkum, Wird, Chechens, Cossacks, Chechen-Ingush ASSR, the Chechen Republic

Цель данной работы – выявление сущности местных сообществ и региональных особенностей их генезиса – реализуется с использованием материалов о формировании и развитии местных сообществ в Чечне, ЧИ АССР, Чеченской Республике.

В структуре гражданского общества выделяются местные сообщества. Они имеют разнообразные организационные формы и методы деятельности, что затрудняет определение их сущности. Так, в Федеральном законе "Об основных принципах местного самоуправления в Российской Федерации" для обозначения субъекта местного самоуправления использован термин "муниципальное образование" [10]. Но понятия "местное сообщество" и "муниципальное образование" неравнозначны, так как местное сообщество – это совокупность людей, которые, согласно п.1 ст.131 Конституции РФ, могут самостоятельно выбирать формы административно-территориального устройства и осуществлять местное самоуправление с учетом местных традиций [3].

Е.Е. Горяченко предлагал термином "местные сообщества" обозначать любое множество социальных отношений, осуществляемых внутри поселений, или социальную сеть взаимодействующих индивидов, сконцентрированных на определенной территории, или наименьшую территориальную группу, которая может охватывать все аспекты человеческой жизни [2].

По мнению В.В. Лапина, термином "местное сообщество" можно обозначать группу людей, проживающих на определенной территории, объединенных общими интересами в решении вопросов развития ресурсов территории для обеспечения своей жизни, сформировавших публичную власть и органы управления для осуществления процесса развития [4].

В трактовке В.В. Пылина местные сообщества как элементы гражданского общества представлены значительным ансамблем самоуправляемых кооперирующихся общин и объединений граждан, каждое из которых имеет свои интересы, а в совокупности они формируют органы власти и управления, оказывают влияние на их деятельность [6].

По мнению зарубежных и российских ученых Дж. Гасфила, Р. Ольденбурга, А. Твелфтриза, П. Хендерсона, И.В. Мерсиянова, Е.С. Шомина и других [8; 14; 15; 16], в структуре социально-поселенческих групп выделяются объединения соседей (соседские сообщества), которые имеют сходство с органом общественной самодеятельности, созданным гражданами по месту их жительства, работы или учебы для удовлетворения потребностей неограниченного круга лиц, чьи интересы связаны с достижением уставных целей и реализацией их программ по месту его создания [9].

Сравнительный анализ указанных и других дефиниций местных сообществ [1; 7; 11; 12] позволяет утверждать, что при определении сущности феномена, обозначаемого термином "местное сообщество", необходимо учитывать, во-первых, что речь идет о социально-поселенческой группе, члены которой имеют общее место проживания; во-вторых, сообщество должно иметь признаки общества, описанные Э. Шилзом [13]; в-третьих, мотивами объединения односельчан в местное сообщество

служат интересы консолидированной реализации общих экономических, социальных, духовных, политических и иных интересов; в-четвертых, управление сообществом осуществляют члены этой группы (самоуправление) и (или) "внешние", по отношению к этой группе, субъекты управления; в-пятых, местное сообщество включено в систему общественного управления, осуществляемого органами государственной власти и местного самоуправления, институтами гражданского общества. В таком случае, при эмпирическом определении местного сообщества выявляются территориальные, социологические, психокультурные и политические аспекты, характеризующие их: 1) местное сообщество является частью региональной социальной системы, которая формирует доминирующие условия и факторы его жизнедеятельности; 2) местное сообщество всегда представляет собой совокупность людей, проживающих на конкретно определенной территории поселения и (или) муниципального образования, или их части, которую считает "своей", но не все индивиды и социально-поселенческие группы, проживающие на территории поселения или муниципального образования, составляю единое местное сообщество и становятся его членами; 3) местное общество имеет устойчивый социального состава и существует дольше средней продолжительности жизни отдельного индивида; 4) основой местных сообществ служат семьи, имеющие родственные и свойственные связи; для недопущения кровосмешения браки членов местного сообщества заключаются с представителями других местных сообществ; 5) местное сообщество преимущественно пополняется детьми членов местного сообщества и лицами, вступившими с ними в браки; 6) местное сообщество относительно автономно и органы его самоуправления способны самостоятельно решать проблемы своих членов; 7) у местного сообщества есть собственное название и история, общая система социальных норм и субкультурных ценностей.

В конкретных социально-политических условиях, действовавших на территории, отнесенной к современной Чеченской Республике, сформированы и действуют разные типы местных сообществ, отличающиеся принципами и мотивами их самоорганизации, характером взаимоотношений с органами государственной власти и местного самоуправления, другими местными сообществами, образованными жителями поселений, которые имеют широкий спектр от взаимовыгодного добрососедского сотрудничества до непримиримой борьбы за ресурсы. Варианты характера отношений между местными сообществами во многом определяется целями государственных органов, состоянием политико-правовой системы, политическими и иными целями лидеров местных сообществ.

Естественной целью местных сообществ является мирная жизнь его членов, поэтому уважительное отношение к согражданам, независимо от их принадлежности к "своему" или "чужому" местному сообществу, должно лежать в его основе.

Изучение политологических аспектов истории развития местных сообществ, созданных жителями поселений, расположенных на территории современной Чеченской Республики, позволяет выделять следующие содержательно-хронологические периоды, детерминированные условиями и факторами регионального политического процесса: 1) первый период начинается в позднем средневековье, связан с выработкой традиций местных сообществ в поселениях чеченцев и поселившихся на территорию их проживания вольных гребенских казаков, а заканчивается кризисом традиционных форм местных сообществ на территории Чечни, включенных в состав Российской империи в 1860 г.; 2) второй период обусловлен сроками радикальных изменений социальной структуры местных сообществ на территории Чечни в условиях Терской области Российской империи, существовавшей с 1861 г. по 1918 г.; 3) третий период, названный советским, хронологически определяется существованием советского государства в 1918–1991 гг.; 4) четвертый период – с 1991 г. до 2000 г. – постсоветский период, обусловлен переходом политической системы Российской Федерации к новой структуре и политическому режиму. В те годы политической элитой Чеченской Республики предпринимались попытки формирования суверенного государства Ичкерии, из-за которых происходили значительные изменения в местных сообществах на территории республики; 5) пятый период, начало которого совпадает с активной фазой контртеррористических операций, укреплением основ российской

государственности в Чеченской Республике, начатых под руководством А.А. Кадырова, продолжаемых главой республики Р.А. Кадыровым до настоящего времени, характеризуется интероризацией в региональный политический процесс традиций чеченского народа, значительными изменениями в жизни местных сообществ на территории Чеченской Республики.

В указанные исторические периоды на жизнь местных сообществ оказывали доминирующее влияние различные факторы, предопределявшие мотивы их формирования, характер отношений с органами государства и местного самоуправления, общественными объединениями. В частности, на территории Чечни сформировались типы местных сообществ – тайпы, в которые объединены родственные семьи. Семейные принципы их организации легли в основы политических традиций чеченцев, сохранивших до настоящего времени, оказывающих существенное влияние и на современные формы организации местных сообществ чеченцев. В них предпочтение отдается нормам адата, регламентирующим все сферы общественных отношений, включая браки, воспитание детей, отношение к женщинам, гостеприимство, кровомещение. При декларированном равенстве членов тайпов, местные сообщества наделяли более высоким социальным статусом конкретные рода, семьи и их членов по признакам нохчала – достойного, благородного поведения.

Местными сообществами тайпового типа руководят общинные кхелы (собрания), советы старейшин, предводители тайпов, а при военной угрозы – бячча (военачальники). С укреплением ислама в Чечне, большое влияние на жизнь местных сообществ стало оказывать духовенство, представляющее различные вирды. Для защиты территориальных интересов нескольких тайпов и координации их деятельности создавались тукхумы – военно-политические союзы. В них сохранялась автономность тайпов и не было единых постоянно действовавших органов управления. К середине XVIII в. на территории Чечни действовали местные сообщества, объединенные в более чем 135 тайпах, большая часть которых входила в девять тукхумов.

Введению единообразных форм управления на всей территории Чечни препятствовало предпочтительное применение местными сообществами чеченцев традиционных морально-этических ресурсов власти. Попытки навязывания местным сообществам решений предводителей и советов старейшин других тайпов и тукхумов воспринимались как недопустимые нарушения принципов равноправных взаимоотношений чеченцев.

С XVI в. на территории Чечни формировались местные сообщества вольных гребенских казаков, которые имели тесные взаимовыгодные отношения с горами, перенимали у них традиции, элементы материальной и духовной культуры. При появлении общих врагов, казаки и горцы объединялись для совместной защиты мест проживания. Однако, после поступления казаков на регулярную службу Российскому государству в 1577 г., казачьи общины стали пополняться новыми поселенцами, которые старались сохранять традиционные для них социальные нормы и культурные ценности. Поэтому в казачьих общинах выделялись "старожилые" и "новопоселенные" компоненты. Для предотвращения конфликтов между ними войсковое командование запрещало расселение среди казаков лиц невойскового (неказачьего) сословия, а новое пополнение старалось расселять в отдельных поселениях. Мотивами консолидации членов казачьих поселений выступала общая казачья служба и экономика, регламентированная обычно-правовыми нормами и российским законодательством. Местные сообщества казаков сочетали признаки поземельной общины и специализированного военного поселения.

Характер отношений между местными сообществами чеченцев и казаков варьировал в широком диапазоне от куначества и взаимовыгодного сотрудничества до непримиримого противодействия по экономическим, конфессиональным и иным причинам.

Индустриализация экономики, начатая в конце XIX в., сопровождалась переселением из центральных областей России промышленных рабочих и специалистов в поселения равнинной части Чечни, в которых наряду с традиционными местными сообществами формировались соседские общности. Поэтому консолидирующее значение тайпов для жителей равнинной части Чечни уменьшалось, а традиции местных

сообществ чеченцев сохранялись в поселениях горной и предгорной зон с аграрной экономикой.

В советском периоде консолидации местных и соседских сообществ препятствовала дифференциация их членов по непримиримым идеологическим основаниям.

Сохранению чеченского этноса в условиях депортации и проживания в спецпоселениях в 1944–1957 гг. способствовали традиции самоорганизации, взаимной помощи. Их соблюдение обеспечивало адаптацию депортированных народов к новым экономическим, социальным и природно-климатическим условиям, вследствие чего в начале 1950-х гг. была преодолена тревожная тенденция сокращения общей численности чеченцев.

В то же время в Грозненской области, созданной на территории упраздненной ЧИАССР, из переселенцев формировались соседские сообщества, которыми управляли советские органы государственной власти. По этим причинам в 1944–1957 гг. в Грозненской области не было местных сообществ, способных самостоятельно осуществлять местное самоуправление и эффективно решать проблемы населения без участия государства.

Неразрешенность государством проблем, связанных с возвращением из спецпоселений на территорию Чечено-Ингушетии депортированных в 1944 г. народов привела к многочисленным острым социальным конфликтам с новопоселенцами, прибывшими в Грозненскую область в 1944–1957 гг. Поэтому на территории восстановленной ЧИАССР местные сообщества имели разный характер взаимоотношений и отношений с органами государственной власти. Эти негативные последствия проявились в постсоветском периоде в осетино-ингушском и других конфликтах межэтнического характера.

Сформировавшиеся в конце 1980-х гг. экономические, социально-политические и иные предпосылки привели к разрушению советского типа политической системы СССР и РСФСР. К сентябрю 1991 г. лидирующее положение в региональном политическом процессе ЧИАССР, реорганизованной в Чеченскую и Ингушскую республики, заняли радикальные сепаратисты. Впоследствии они доминировали в Чеченской Республике при формировании экономических, социально-политических, духовных и иных условий и факторов регионального политического процесса, участия в нем местных сообществ. В частности, в начале 1990-х гг. этническая мобилизация чеченцев на противодействие федеральным органам государственной власти была организована под предлогами защиты суверенитета Ичкерии, а для оправдания военных действий объявлялся газават. В том периоде радикально ориентированная политическая элита Чечни опиралась на поддержку незаконных вооруженных формирований, которые возглавляли самозванные баячи, принуждавшие местные сообщества к подчинению им силой оружия, насилием. Альтернативные выборы, политическая конкуренция, наличие Конституции и представительных органов власти в ЧРИ не обеспечили "автоматическое" прекращение в обществе социальной вражды, кровной мести, недемократичных действий власти и оппозиции. Поэтому в местных сообществах формировались протестные движения против органов государственной власти ЧРИ, опиравшихся на поддержку незаконных вооруженных формирований, и против федеральных сил, проводивших не только локальные, но и крупномасштабные боевые действия против сепаратистов, в которых гибло мирное население.

Провозглашение приоритетов демократии в жизни республики в постсоветском периоде не стало гарантией их всеобщего применения в социально-политической практике. Обращение политической элиты ЧРИ за поддержкой к духовенству, провозгласившему в 1996 г. джихад и выступавшему за превращение ЧРИ в исламское государство, привело к появлению в ЧРИ ваххабитов, навязывавших жителям республики идеи радикального ислама, против которых открыто выступал муфтий Чечни А-Х. Кадыров.

Радикальные сепаратисты, спровоцировавшие в 1999 г. крупномасштабные военные действия в горных районах Дагестана, втянули чеченский народ во "вторую чеченскую войну", вызвали необходимость введения на территории республики режима контртеррористических операций (КТО). Для консолидации чеченского обще-

ства на борьбу с радикальным сепаратизмом и федеральному центру, и чеченскому народу требовался авторитетный лидер, способный объединить чеченское общество во имя прекращения кровопролития, организации восстановления и развития республики. В 2000 г. политические лидеры Российской Федерации провели переговоры с А.А. Кадыровым и 12 июня 2000 г. Указом Президента России он назначался главой временной администрации Чеченской Республики, а 20 июня 2000 г. вступал в должность. В своей деятельности А.А. Кадыров получал поддержку местных сообществ, духовенства. Поэтому местные сообщества оказывали активную поддержку правоохранительным органам, осуществлявшим контртеррористические мероприятия, формировали отрицательное общественное отношение к незаконным вооруженным формированиям, боевикам, террористам.

После трагической гибели А.А. Кадырова его преемники продолжают реализацию программы восстановления Чеченской Республики.

С 2007 г. высшим должностным лицом Чеченской Республики является Р.А. Кадыров, который активно использует созидательный потенциал местных сообществ для преодоления негативных последствий постсоветского периода, восстановления экономики, социальной сферы республики. Основой консолидации чеченского общества стали общечеловеческие ценности, культурные и политические традиции чеченского народа.

Таким образом, в постсоветском периоде структура местных сообществ, их место и роль в региональном политическом процессе изменялись в большой зависимости от общероссийского политического процесса, а также от региональных условий и факторов.

Местные сообщества участвуют в мерах по стабилизации социально-политической обстановки в республике, разрешению конфликтов и решению актуальных проблем населения. Она осуществлялась с учетом норм обычного права, политической культуры членов местных сообществ. Доминирующая численность чеченцев в них обеспечивала приоритет политических традиций и ценностей политической культуры чеченцев в политическом процессе Чеченской Республики. В случаях правовых коллизий глава республики проводит консультации с авторитетными знатоками народных традиций, толкователями адата, богословами и с их помощью находит способы прекращения кровомщения и урегулирования других острых социальных конфликтов. Работа по совмещению законодательства и народных обычно-правовых традиций способствует консолидации регионального социума, развитию сотрудничества с органами местного самоуправления, религиозными, молодежными и другими общественными объединениями, в отношении с ними используют политические традиции российского народа, частью которого являются чеченцы, имеющие свои национальные традиции.

В идеале, по форме и содержанию местное сообщество совпадает с территориально-поселенческой социальной группой, отличающейся общностью места проживания в поселении или муниципальном образовании. При этом органы местного сообщества и местного самоуправления активно взаимодействуют. Но в реальных условиях, в поселенческих социальных группах выделяются несколько местных сообществ, созданных по общности экономических, конфессиональных, этнических и иных интересов. Они могут иметь разный характер отношений в широком диапазоне от куначества и братской взаимопомощи до непримиримой вражды из-за реальных и (или) мнимых принципиальных противоречий. Все местные сообщества имеют свои органы самоуправления и социальные нормы.

Противодействующие местные сообщества способны объединяться в пределах поселений, муниципальных образований, регионов, государств, что способствует формированию сообществ более высокого уровня – региональный, имеющих большую численность за счет вертикальных и горизонтальных связей, и соответственно усиливающих их солидарное влияние на политические процессы соответствующего уровня.

Многообразие вариантов развития отношений между противодействующими местными сообществами определяют цели региональной политики, состояние политико-правовой системы, политические и личные цели лидеров местных сообществ.

Таким образом, для деятельности местных сообществ характерны следующие закономерности: местные сообщества являются формой самоорганизации граждан, созданной для реализации актуальных проблем населения; успешность формирования и деятельности местного сообщества во многом определяется отношением к нему сограждан, воспринимающих его как социальную среду совместного биосоциодуховного существования; общественные потребности в активизации местных сообществах возрастают по мере транзитивных трансформаций тоталитарного государства и укрепления основ демократии институтами гражданского общества; потребности самоорганизации общественных отношений могут реализовываться в местных сообществах при наличии необходимых условий, созданных правовым государством в условиях демократии. Деятельность местных сообществ способствует повышению солидарности, взаимного доверия и конструктивного сотрудничества граждан, развитию социальной активности населения, которое самостоятельно решает собственные актуальные проблемы и выполняет общественно значимые функции артикуляции, агрегации и реализации интересов граждан.

Список литературы

1. Астафичев П. А. Территориальные основы местного самоуправления как объект правового регулирования / П. А. Астафичев // Конституционное и муниципальное право. – 2008. – № 4. – С. 24–28.
2. Горяченко Е. Е. Территориальная общность в изменяющихся условиях // Социологические аспекты перехода к рыночной экономике (Материалы к XIII социологическому конгрессу) / Е. Е. Горяченко. – Новосибирск : ИЭиОПП, 1994. – Ч. 1.
3. Конституция Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.constitution.ru> (обращение 11.10.2012 г.), свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
4. Лапин В. Местное сообщество и государство: состояние – 98 и цели – 99 / В. Лапин // Наш современник. – 1998. – № 7. – С. 199–211.
5. Мерсиянова И. В. Общественная активность населения и восприятие гражданами условий развития гражданского общества / И. В. Мерсиянова., Л. И. Якобсон. – М. : Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2007.
6. Пылин В. В. Местные сообщества как основа гражданского общества / В. В. Пылин. – Режим доступа: <http://politjournal.spb.ru/120115.html> (обращение 14.09.2012 г.), свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
7. Сивограков О. В. Институциональные основы устойчивого развития местных сообществ / О. В. Сивограков // Экологическая антропология. – Минск, 2007.
8. Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством / под ред. Л.И.Якобсона. – М. : Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2008.
9. Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» // URL:http://www.consultant.ru/popular/obob/76_1.html#p51 (обращение 12.10.2012 г.).
10. Федеральный закон от 6 окт. 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». – Режим доступа: <http://www.referent.ru/1/78372> (обращение 12.10.2012 г.), свободный. – Заглав. с экрана. – Яз. рус.
11. Филиппов Ю. Развитие местных сообществ / Ю. Филиппов, В. Гассий // Муниципальная власть. – 2004. – № 11–12. – С. 64–72.
12. Чабанова А. В. Местное самоуправление и особенности социальной работы с местным сообществом / А. В. Чабанов. – Режим доступа: <http://www.bestreferat.ru/referat-99558.html> (обращение 15.11.2012 г.), свободный. – Заглав. с экрана. – Яз. рус.
13. Шилз Э. Общество и общества: макросоциологический подход // Американская социология: Перспективы, проблемы, методы / Э. Шилз. – М. : Прогресс, 1972.
14. Шомина Е. С. Соседское сообщество–ТОС–МСУ / Е. С. Шомина. – Режим доступа: <http://www.hse.ru/org/persons/67539/index.html> (обращение 24.12.2012 г.), свободный. – Заглав. с экрана. – Яз. рус.
15. Gusfielf J. R. The community. A critical response / J. Gusfielf. – N. Y., 1976.
16. Henderson P. Social inclusion and citizenship in Europe. The contribution of community development / P. Henderson // *Opbouweahier*. – 1997. – № 5.

References

1. Astafichev P. A. Territorialnye osnovy mestnogo samoupravleniya kak obekt pravovogo regulirovaniya / P. A. Astafichev // *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*. – 2008. – № 4. – S. 24–28.
2. Goryachenko Ye. Ye. Territorialnaya obshchnost v izmenyayushchikhsya usloviyakh // *Sotsiologicheskie aspekty perekhoda k rynochnoy ekonomike (Materialy k XIII sotsiologicheskomu kongressu)* / Ye. Ye. Goryachenko. – Novosibirsk : IEiOPP, 1994. – Ch. 1.
3. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii. – Rezhim dostupa: <http://www.constitution.ru> (obrashchenie 11.10.2012 g.), svobodnyy. – Zaglavie s ekrana. – Yaz. rus.
4. Lapin V. Mestnoe soobshchestvo i gosudarstvo: sostoyanie – 98 i tseli – 99 / V. Lapin // *Nash sovremennik*. – 1998. – № 7. – S. 199–211.
5. Mersiyanova I. V. Obshchestvennaya aktivnost naseleniya i vospriyatие grazhdanami usloviy razvitiya grazhdanskogo obshchestva / I. V. Mersiyanova., L. I. Yakobson. – M. : Izd. dom GU-VShE, 2007.
6. Pylin V. V. Mestnye soobshchestva kak osnova grazhdanskogo obshchestva / V. V. Pylin. – Rezhim dostupa: <http://politjournal.spb.ru/120115.html> (obrashchenie 14.09.2012 g.), svobodnyy. – Zagl. s ekrana. – Yaz. rus.
7. Sivogorakov O. V. Institutsonalnye osnovy ustoychivogo razvitiya mestnykh soobshchestv / O. V. Sivogorakov // *Ekologicheskaya antropologiya*. – Minsk, 2007.
8. Faktory razvitiya grazhdanskogo obshchestva i mekhanizmy ego vzaimodeystviya s gosudarstvom / pod red. L. I. Yakobsona. – M. : Izd. dom GU-VShE, 2008.
9. Federalnyy zakon ot 19 maya 1995 g. № 82-FZ «Ob obshchestvennykh obedineniyakh» // URL:http://www.consultant.ru/popular/obob/76_1.html#p51 (obrashchenie 12.10.2012 g.).
10. Federalnyy zakon ot 6 okt. 2003 g. № 131-FZ «Ob obshchikh printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii». – Rezhim dostupa: <http://www.referent.ru/1/78372> (obrashchenie 12.10.2012 g.), svobodnyy. – Zaglav. s ekrana. – Yaz. rus.
11. Filippov Yu. Razvitie mestnykh soobshchestv / Yu. Filippov, V. Gassiy // *Munitsi-palnaya vlast*. – 2004. – № 11–12. – S. 64–72.
12. Chabanova A. V. Mestnoe samoupravlenie i osobennosti sotsialnoy raboty s mestnym soobshchestvom / A. V. Chabanov. – Rezhim dostupa: <http://www.bestreferat.ru/referat-99558.html> (obrashchenie 15.11.2012 g.), svobodnyy. – Zaglav. s ekrana. – Yaz. rus.
13. Shilz E. Obshchestvo i obshchestva: makrosotsiologicheskii podkhod // *Amerikanskaya sotsiologiya: Perspektivy, problemy, metody* / E. Shilz. – M. : Progress, 1972.
14. Shomina Ye. S. Sosedskoe soobshchestvo–TOS–MSU / Ye. S. Shomina. – Rezhim dostupa: <http://www.hse.ru/org/persons/67539/index.html> (obrashchenie 24.12.2012 g.), svobodnyy. – Zaglav. s ekrana. – Yaz. rus.
15. Gusfiel J. R. The community. A critical response / J. Gusfiel. – N. Y., 1976.
16. Henderson P. Social inclusion and citizenship in Europe. The contribution of community development / P. Henderson // *Opbouweahier*. – 1997. – № 5.

РЕКЛАМНЫЙ МЕДИУМ КОНСТРУИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Ларионов Игорь Александрович, аспирант

Астраханский государственный университет
414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: ialar@bk.ru

В статье рассматривается феномен рекламного медиума и акцентируется внимание на потенциале рекламной деятельности в качестве механизма трансляции ценностей глобализирующегося мира и культурного проводника, способствующего формированию общей картины мира современного человека. Благодаря СМИ, что гарантировали рекламной индустрии массовый характер и непрерывную периодичность воздействия, реклама стала неотъемлемым элементом массовой культуры, который развивается и приобретает новые свойства. Сегодня реклама – это не просто посредник сторон создания спроса и предложения консьюмеристского общества. Она способна нести смыслы и культурные коды, конструирующие социальную реальность, в которой находится потребитель, и оказывающие влияние не только на лояльность к той или иной торговой марке, но и на мировоззрение реципиента рекламы, т.е. любого, воспринимающего ее.

Ключевые слова: рекламный медиум, медиа, культурная идентичность, культурные коды, коллективное бессознательное, массовое сознание, сущность бренда, рекламное послание, рекламная коммуникация